

Понедѣльникъ, 12-го іюля 1904 г.

Условія подписки:

От доставкой въ Москву или
въ перепиской на города:
въ годъ..... 8 р.—и.
6 месяцевъ..... 4 „ 50.
3 „..... 2 „ 50.
2 „..... 1 „ 70.
1 „..... 1 „ 70.
Отдѣльный № въ розничной
продажѣ въ Москвѣ 3 к., съ
накладкою, доставленіемъ 5 к.
въ друг. города 5 коп.

Кантора открыты ежедневно
для приема подписки и объя-
вленій съ 9 час. утра до 7
час. вечера.

№ 5251

ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦИИ № 738.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ

Ежедневная газета безъ предварительной цензуры.

Редакція и кантора: Москва, Мясницкая ул., д. № 20 (настѣдн. Ананова).

Понедѣльникъ, 12-го іюля 1904 г.

№ 191

Тарифъ объявленій:
За первую строку въ день
въ 10 строкъ, за вторую — 40 к.
въ 10 строкъ, 20 к. въ 4-х,
средн. первая строка — 1 руб.

Реклама для дѣл. объя-
вленій принимается съ 3—5 к. за

ТЕЛЕФОНЪ ТИПОГРАФИИ № 738

Телефонъ редактора № 104.

Московскіе отголоски.

Когда началась война съ Японіей изъ разныхъ уголковъ отечества понеслись вопли и стоны.

— Надо перевооружиться! Нѣтъ, такъ нельзя, господа. Необходимо перевооружиться... Посмотрите: наша артиллерія? Что это такое?! А флотъ?! А интендантство?... Скорѣе перевооружиться!

Три дня тому назадъ опустили въ могилу Чехова и снова раздались крики «о перевооруженіи», но на этотъ разъ, конечно, въ другомъ смыслѣ:

— Мы—пошляки! Мы—хмурые люди! Надо исправиться! Давайте сбросимъ съ себя пошлость, перестанемъ хмуриться, будемъ веселы! Ура!

Нѣкоторые господа изъ тѣхъ, которые называются «большими», приняли приглашеніе въ-серьезъ и поѣхали для исправленія въ «Эрмитажъ». «Сбросили» тамъ не только хмурость, но и всякія понятія о благоприличіи и, довольные столь дешевымъ «переворуженіемъ», отправились на могилу Чехова!.. Чтобы благодарить писателя за его великія заслуги передъ русскимъ обществомъ за то, что онъ разоблачилъ «нашу пошлость» и «научилъ ненавидѣть ее»...

Благодарили, били земные поклоны, дили слезы...

Это не клевета, это — фактъ...

Изъ такихъ фактовъ состоитъ вся наша жизнь... Сотни разъ мы проходили мимо нихъ безъ удивленія и гнѣва, сотни разъ мы не придавали имъ значенія, но теперь, въ минуту историческаго подъема духа, въ этотъ великій моментъ сокрушенія и плача—мы не можемъ оставаться спокойными, мы не должны оставаться спокойными, мы обязаны протестовать и клеймить всякое проявленіе пошлости, даже если она прикрывается флагомъ раскаянія и самобичеванія!..

Надо-же понять, наконецъ, что трактиръ не мѣсто для раскаянія, что вели-

кая могила не пуждается въ полнѣхъ ея мутными слезами пьянаго самообичеванія.

Въ голомъ фактѣ смерти писателя нельзя искать одного предлога для откровенныхъ обличеній. Еще меньше—предлога для неудержимыхъ слезъ и отчаянія. Напротивъ, съ точки зрѣнія общественной, на похороны Чехова нужно смотрѣть, какъ на фактъ крупнаго и притомъ отраднаго значенія.

Правдивый лѣтописецъ нашихъ дней расскажетъ грядущимъ поколѣнїямъ не только о величїи скорбно-печальной похоронной процессїи, но не забудетъ оцѣнить и ея поучительнаго характера.

Онъ напишетъ:

«Смерть Чехова пропеслась надъ русскимъ интеллигентнымъ обществомъ освѣжающей грозой. Вдругъ стало ясно, что общество задыхается въ липкихъ тискахъ пошлости, что пошлость эта зависитъ не отъ внѣшнихъ условій, на которыя любили до этого ссылаться, а отъ собственной дрянности, отъ внутренней пустоты и душевнаго холопства. Надъ могилой Чехова раздались призывы къ обновленію, «къ перевооруженію», но призывы эти остались безъ отклика, ибо въ нихъ не было духовной мощи: слова, одѣтыя въ праздничные мундиры, мысли, затканныя въ золото звуковъ...

«Сомнѣнія исчезли; мечты о возрожденіи общества погасли. Для возрожденія нужны творческія силы—ихъ не было, мысль работала по шаблону; для возрожденія необходима самостоятельность—ея не было, она замѣнялась «иниціативой», мелкимъ и минутнымъ увлеченіемъ; не было страстей и желаній, которыя также неизбежны при возрожденіи, какъ свѣтъ и тепло въ темныя холодныя ночи. Уста твердили: «Надо обновиться! Надо воскреснуть!» а ноги все глубже и глубже вязли въ тинистомъ болотѣ. Гроза пропеслась, воздухъ освѣжѣлъ, молнія освѣтила на секунду гнойныя язвы общества, но онѣ остались незалѣченными. «Хмурые люди» надѣли шапки набекрень, но отъ этого не сдѣлались веселѣе. «Человѣки съ футлярами» разстались со своимъ убранствомъ, но ихъ умственный строй развѣ обновился?! Безвольные герои сумерекъ сказали: «надо исправиться, надо перевооружиться, надо свѣта и солнца»... Но развѣ можно по одному предписанію измѣнить и исправить духовное наслѣдіе вѣковъ?! Понадобился цѣлый рядъ поколѣній для того, чтобы русское общество избавилось отъ изъязвленій этого наслѣдія и возродилось духовно и тѣлесно».

Вотъ что напишетъ будущій историкъ нашего поколѣвія, и всѣ мы знаемъ, что именно такъ и случится... И все-таки хочется и думать и вѣрить, что смерть Чехова послужитъ толчкомъ къ нашему моральному прозрѣнію. Это набатъ, могучій звонъ потонувшаго колокола, на волнующій зовъ котораго сбѣжались всѣ люди всѣхъ лагерей и поколѣній. На минутку онъ заглушилъ въ насъ порывы отчаянія и сомнѣній, окрылилъ мечты и вдохновилъ на общую работу. Еamus!..

Отшельникъ.